

УДК 81'28: 81'37

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ И УГОЛОВНОМ ЖАРГОНЕ¹

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., лаборант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. zv.ul@mail.ru

В статье рассматриваются наименования человека, которые зафиксированы как в пермских говорах, так и в уголовном жаргоне. Часть слов появляется в уголовном жаргоне непосредственно из диалекта, другие же, скорее всего, проникают сначала в литературный язык и затем из него в уголовный жаргон. В говорах многие из рассматриваемых лексем полисемичны, в уголовный жаргон чаще всего заимствуется одно из значений, которое приобретает предельно конкретную семантику. Некоторые лексемы в пермских говорах происходят из уголовного жаргона (*бугор, урка, шмара*). Попадая в диалект, жаргонное слово может приобретать новые значения, как происходит с лексемой *урка*.

Ключевые слова: говоры; уголовный жаргон; семантика; наименования человека.

Языковая номинация имеет антропоцентрический характер, поэтому группа наименований, объединенных общим значением 'человек', 'лицо', является центральной как в лексиконе территориальных диалектов, так и в словарном составе жаргонов. Предметом исследования стали слова, встречающиеся одновременно в пермских говорах и в жаргонах. Поскольку границы разных форм бытования русского языка не являются непроницаемыми, постольку мы предполагаем, что диалектная и жаргонная лексика будут иметь точки пересечения. Источниками языкового материала послужили диалектные словари («Словарь пермских говоров», «Словарь говора д. Акчим», «Словарь говоров южного Прикамья», а также картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края») и жаргонные словари («Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова, «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича, «Толковый словарь уголовного жаргона»).

Анализ названных источников показал, что одинаковых слов в пермских говорах и жаргонах немного, область пересечения составляют слова, относящиеся к общему и уголовному жаргону. В говорах отсутствуют единицы, принадлежащие к другим видам жаргонов (армейскому, молодежному и др.), это связано с тем, что носители диалекта в основном люди пожилого возраста, а перечисленные жаргоны – относительно новое языковое явление. В молодежном сленге существуют слова, встречающиеся также в диалектах, однако, скорее всего, они появляются в нем как

результат заимствования и переосмысления просторечных элементов или слов из уголовного жаргона.

В некоторых случаях одно слово фиксируется в разных идиомах национального языка: в говорах, в литературном языке (обычно в словаре дается помета «просторечное») и жаргоне, например, *барахольщик, блатной, гнус, горлохвát, жигán*. Пути попадания языковых единиц в говоры, просторечие и жаргон разные. Одним из таких путей является проникновение диалектного слова в просторечие (или литературный язык), а затем заимствование его в жаргон, в котором слово может развить новое значение. Так, слово *барахольщик* фиксируется со значениями

– в литературном языке – 'тот, кто скупал и перепродавал старые вещи; старьевщик', 'тот, кто вещи ценит превыше всего' [БАС 1: 386];

– в пермских говорах – 'плохо, неряшливо одетый человек': *Барахольщик – это парень в худом ходит, его пускать не надо. А девка, дак та барахольщица* (Редикор, Чердынский район) [СРГСПК 1: 60]; *Настоящий ты барахольщик: рубаха выехала, а ты не заправишь* (В. Мошево, Соликамский район) [СПГ 1: 22];

– в уголовном жаргоне – 'мелкий воришка, перекупщик краденого' [ТСУЖ: 17].

Данная лексема является производной от *барáхло* и была впервые зафиксирована в середине XIX в. в архангельских говорах; в словаре А. Подвысоцкого – со значениями 'всякое движимое в доме имущество', 'всякая домашняя малоценная рухлядь' [Подвысоцкий: 4]. В совре-

менном литературном языке слово также полисемично, однако разные значения относятся к различным сферам употребления: к разговорной речи – ‘предметы личного и домашнего обихода’; к просторечию – ‘старые, поношенные вещи личного и домашнего обихода’, ‘о ком-, чем-л. никуда не годном, скверном’ [БАС 1: 386]. Исходная полисемия слова привела к тому, что в литературном языке и в уголовном жаргоне производная лексема *барахольщик* связана с первым значением, а в диалекте – со вторым.

По мнению этимологов, слово *жиган*, фиксируемое диалектными, жаргонными словарями, а также «Большим академическим словарем русского языка» (далее – БАС) возникает в говорах. П.Я. Черных считает лексему производной от диалектного глагола *жигануть* ‘жечь, зажечь’, у которого (и однокоренных с ним глаголов) появляются переносные значения ‘дать стрекача, бежать’, ‘кольнуть’, ‘ударить’ и т.п. [Черных 1: 302]; ‘резко, стремительно сделать что-либо’ [БАС 5: 645]. В картотеке СРГСПК лексема отмечается с несколькими значениями:

1) ‘кочегар; человек, выпачкавшийся в саже, угольной пыли’: *Раньше дак избы чёрные были. Тут с первого утра как жиган будёшь* (Чердынский район);

2) ‘озорник, хулиган (о ребенке)’: *Нашему жигану больше вицой надо стегать, а то шибко резвой* (Б. Долды, Чердынский район);

3) ‘малек хариуса’: *Муж сам плёл сетки. Это жиганов ловить. Мелкий хариус* (Гадья, Чердынский район).

Первое из приведенных значений соотносится со старшим значением глаголов *жечь, зажигать*; оно фиксируется только в говорах. На основе переносного значения глагола в говорах возникает второе из отмеченных значений; в литературном языке и уголовном жаргоне с этой вторичной семантикой глаголов связано значение ‘дерзкий, отчаянный вор’; ‘блатной, хорошо знающий воровской жаргон’ [Квеселевич 2005: 216]; ‘дерзкий, наглый хулиган; уголовник’ (с пометой «устаревающее») у слова *жиган* [БАС 5: 645]. Авторы историко-этимологического словаря русского жаргона М.А. Грачев и В.М. Мокиенко выдвигают другую версию появления значения: они предполагают, что слово *жиган* ‘каторжник’ возникает на основе прямого значения, поскольку каторжникам выжигали на лбу и щеках клеймо «ВОР» [Грачев, Мокиенко 2009: 101]. Затем из жаргона лексема проникает в литературный язык.

Существование одинаковых лексических единиц в разных сферах бытования вызвано тем, что общепотребительное слово развивается в говорах

и в жаргоне разные значения. Так, в БАС отмечается лексема *гнус* со значениями ‘летающие кровососущие насекомые’ и с пометой «просторечное» ‘о человеке, вызывающем отвращение, омерзение’ [БАС 1: 201]. В пермских говорах фиксируются оба этих значения и ряд других:

1) ‘дети до двенадцати лет’: *Ребят-то расплодилось, какой гнус. Полна изба* (Мартино, Красновишерский район.); *Гнус, сарынь, орда* – (дети – Ю.З.) *до 12 лет* (Сыпучи, Краснов.) [КСРГСПК]; *Круг меня наголо ребята, хватат их, гнуса* (Акчим, Красновишерский район) [АС 1: 206-207];

2) ‘о грязном, неопрятном человеке, обычно ребенке’: *Гнус – ругают сопливого ребёнка* (Акчим, Красновишерский район) [АС 1: 207];

3) ‘бран., обычно применительно к шалящим детям’: *Гнусами робьят называм – всячески ухают дък* (Акчим, Красновишерский район) [там же].

Диалектные значения возникают в результате метафорического переноса на основе семы ‘нечто мелкое, маленькое’, а также признака множественности.

Ю.А. Кривошапова, характеризуя энтомологическую лексику в этнолингвистическом аспекте, замечает, что «нейтральный признак “маленький” размер легко трансформируется в оценочный “презренный, ничтожный”» [Кривошапова: 8]. Появление в жаргоне у лексемы семантики ‘мелкий воришка’ [Квеселевич 2005: 136] возникает именно на основе оценочного признака.

Лексема *горлохват* ‘горлан, горлопан’ с пометой «просторечное» отмечена в БАС [БАС 4: 314], зафиксирована в словарях пермских говоров значениями ‘человек, который криком и руганью добивается чего-л. для себя’: *Отпуск-де ему полагается, два-де. Да берут, которы горлохваты* (Акчим, Красновишерский район) [АС 1: 215]; ‘жадный человек’: *Конечно, жадной горлохват, горлохватом называют. Вы – горлохват, только и захватываете, вам много надо* (Акчим, Красновишерский район); *Где-то чужое хватил шиной, харчистой. Горлохват, ему всё в шары-то надо, горлохвату* (Чердынский район) [КСРГСПК]; в уголовном жаргоне ‘вор, который отнимает часть похищенного у физически более слабых воров’ [Квеселевич 2005: 147]. Таким образом, в диалекте и уголовном жаргоне происходит развитие семантики этой лексемы, в этих языковых разновидностях у слова появляется сема ‘добиваться чего-л. для себя в ущерб другим’, а сема ‘причинять беспокойство другим людям громким криком’ (представленная также

во фразеологизме *на горло брать*) отходит на задний план.

В некоторых случаях лексема, возникшая в жаргоне, становится повсеместно распространенной и проникает как в литературный язык, так и в говоры. Например, слово *блатной* 'тот, кто связан с преступным миром' фиксируется в словаре литературного языка [БАС 2: 43–44], а также в пермских говорах, в которых отмечаются следующие значения:

1) 'человек, нарушающий общественный порядок и нормы поведения': *На Сосновце всяки люди. Есь на работу не ходит, пьёт. Блатной – говорят* (Акчим, Красновишерский район) [АС 1: 72];

2) 'человек, отзывающийся плохо о других в их отсутствие': *Слова передаёт, раз блатной дак. Видишь, с тобой – всё хорошо. Ушёл – про тебя. С тобой поговорил – всё нормально, там пришёл – тебя кругом обсеверил, обругал. Вот блатной* (Кольчуг, Чердынский район) [СРГСПК 1: 104].

Таким образом, в диалекте происходит развитие семантики: лексема начинает обозначать не того, кто связан с преступным миром, а человека, который в чем-то отстает в своем поведении от общепринятых норм поведения.

Ряд лексем отмечается только в жаргоне и в говорах, например, слова *баклан, бугор, зимогор, урка, шалашовка, шмара*. В большинстве случаев можно говорить о заимствованном характере жаргонных слов в диалектной речи, однако некоторые лексеммы появляются в жаргонах из говоров. Так, слово *зимогор* в словарях пермских говоров зафиксировано со значениями:

1) 'сезонный рабочий на отхожих промыслах': *Видишь, книжка. В ей записаны все зимогоры* (Свалова, Соликамский район) [СПГ 1: 327];

2) 'человек, не имеющий постоянного места жительства и заработка': *Зимогор страшной! Зимолюда! Шататся человек, не имеет ни дома ничё, вот и зимогор. Когда зимогор, когда зимолюда, как придётся* (Нырб, Чердынский район) [КСРГСПК]; *Зимогор уходит из дому, уходит по приискам, ни жены, никого нет* (Акчим, Красновишерский район); *Зимогоры, бродяги, грязные, косматые* (Акчим, Красновишерский район) [АС 1: 344];

3) 'человек, внешним видом напоминающий бродягу': *Ты че закуталась, как зимогор?* (Б. Уса, Куединский район); *Ну и зимогор! Вон как оделся, еле ноги переставляет* (Павловский, Очёрский район) [СПГ 1: 327];

4) 'нарушитель общественного порядка, хулиган': *Зимогор – это варнак, могут назвать, не-*

порядочный человек, хулиган, зимогор он (Мартино, Красновишерский район); *По картошку полез в огород зимогор, воришиэ, женишыны бродят зимогорки тоже* (Покча, Чердынский район) [КСРГСПК];

5) 'иждивенец': *Вон мужик сидит – нигде не работат, жена сама на водку деньги дает своему зимогору* (Вильва, Соликамский район) [СПГ 1: 327];

6) 'мужчина, ушедший из семьи': *Муж пришёл с войны, ночи не спал, ушёл и всё ходит. Бросил семейство, зимогор* (Брюханово, Чердынский район); *Зимогор бросит бабу* (Нырб, Чердынский район) [КСРГСПК];

7) 'непослушный, проказливый ребенок': *Зимогоры, не слушаются нисколь, они погодки [о внуках]* (Аниковская, Чердынский район); *Да вот угланов обзываю: «Ак вы, зимогоры, дураки вы, дураки!»* (Редикор, Чердынский район) [КСРГСПК].

На основе первого значения появляются переносные, которые имеют отрицательную коннотацию. Она объясняется тем, что человек, оставивший свое хозяйство ради дополнительного заработка, часто тратил заработанные деньги и не мог возвратиться домой, т.е. становился бродягой.

Значение 'человек, не имеющий постоянного места жительства и заработка; бродяга' было распространено во многих русских говорах (в основном в севернорусских и среднерусских), именно поэтому слово в этом значении попадает в уголовный жаргон [ТСУЖ: 73], а также фиксируется в БАС с пометой «областное» [БАС 6: 735].

В «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова лексема отсутствует, однако интернет-источники показывают, что в современных жаргонах она сохранилась. Так, в «Словаре молодежного сленга» слово фиксируется со значением 'недалекий обыватель, живущий общими прописными истинами, не понимающий никаких элементов моды и стиля' [Словарь молодежного сленга: электр. ресурс], в словаре офисного жаргона – 'ограниченный человек, способный только к физическому труду, часто – грузчик, водитель, охранник' [Глоссарий-словарь: электр. ресурс]. Появление новых значений в жаргонах происходит, видимо, на базе самого известного значения 'человек, не имеющий постоянного места жительства и заработка; бродяга', хотя не исключено, что семантика лексеммы в офисном жаргоне связана с первым значением слова – 'сезонный рабочий на отхожих промыслах'.

Заимствованием из говоров в уголовный жаргон можно считать и слово *баклан*. В пермских говорах оно может обозначать толстого, крупного человека: *Ребята у их вся порода – ну бакланы* (Осинцево, Суксунский район); *Баклан ходит – беда толстый* (Осинцево, Суксунский район) [СРГЮП 1: 17]; лентяя: *Баклан – ленивый человек* (Покча, Чердынский район) [СРГСПК 1: 48]; беспутного, разгульного, непутевого человека: *Парень-то у нее пьет, баклан, по-вашему-то непутевый* (Шульгино, Берёзовский район) [СПГ 1: 17]; а также ребенка: *В школу-то меня мама не отпустила, всё с бакланами водилась, четыре сестры было младше меня* (Шульгино, Берёзовский район) [там же]. Все перечисленные значения появляются на основе метафорического переноса от *баклан* ‘короткий толстый обрубок дерева’. Можно предположить, что сначала перенос осуществляется по признаку внешнего сходства: тучный человек сравнивается с толстым и коротким обрубком дерева. Затем на основе этого значения развивается семантика ‘лентяй’ и ‘непутевый человек’. Использование слов *баклан* и *баклашек* для наименования ребенка можно объяснить как внешним сходством сравниваемых предметов, так и особой ролью дерева в традиционной культуре.

В уголовном жаргоне у лексемы отмечаются следующие значения *баклан*: ‘хулиган’, ‘неопытный, начинающий вор’, ‘мелкий спекулянт, фарцовщик’ [ТСУЖ: 15], ‘мужчина, завлеченный в притон с целью похищения у него денег или ценностей’ [Словарь воровского жаргона: электр. ресурс]. Все перечисленные значения объединяет сема ‘неопытность, неподготовленность’. М.А. Грачев и В.М. Мокиенко отмечают, что в жаргон слово перешло из территориальных диалектов и связано со значением ‘чурбак, чурка, обрубок бревна’ [Грачев, Мокиенко 2009: 48]. Промежуточным звеном в развитии семантики лексемы является значение ‘дурак, болван’, которое отмечено в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 2: 60].

Слова *бугор*, *урка*, *шалашовка*, *шмара*, зафиксированные в пермских диалектных словарях, заимствованы из уголовного жаргона. Лексема *бугор* (*Бугор приедёт – будем работать, не приедёт – не будем. Бугор – это бригадир. Бугор скажет тебе: сучки руби – и будёшь рубить* (Акчим, Красновишерский район) [СРГСПК 1: 159]) отмечается с одним из жаргонных значений – ‘бригадир’: *Бугор приедёт – будем работать, не приедёт – не будем. Бугор – это бригадир. Бугор скажет тебе: сучки руби – и будёшь рубить* (Акчим, Красновишерский район) [СРГСПК 1: 159]. Кроме этого, в уголовном жар-

гоне есть также значения ‘начальник’, ‘главарь среди осужденных’ [ТСУЖ: 25], которое в говорах отсутствует.

С другим из заимствований – словом *урка* ‘преступник, уголовник, заключенный, относящийся к преступному миру’ [Елистратов 2010: 425] в пермских говорах происходят семантические изменения. Кроме значения, близкого жаргонному ‘преступник, вор’: *Урка – вор, вот идёт урка опять что-нибудь украдёт, урка – это обзывок* (Покча, Чердынский район.). *Урки – арестанты. Один дак – урка* (Камгорт, Чердынский район) [КСРГСПК], – в пермских диалектных словарях фиксируются и другие:

1) ‘несообразительный человек’: *Урка – это человек непонятливой, ницё не понимает* (Мартино, Красновишерский район) [КСРГПК];

2) ‘неряха’: *Давно уж в бане-то не была, уркой хожу грязной* (Пыскор, Усольский район); *Вот страмина-то, вот урка-то неприборной, всю грязь на себя собрал* (Ощепково, Усольский район) [СПГ 2: 479];

3) ‘непослушный ребенок’: *Ребятишек называли: зимогор, шпана, урка, когда напроказят* (Вильгорт, Чердынский район) [КСРГСПК].

Появление значения ‘неряха’ является результатом переноса по признаку внешнего сходства преступника, находящегося в заключении, и неопрятного, грязного человека. Третье из отмеченных значений – ‘непослушный ребенок’ – часто возникает у слов, характеризующих взрослого человека и имеющих отрицательную, бранную коннотацию. Так, в пермских говорах для названия ребенка-озорника используют слова *бандит*, *варнак*, *зимогор*, *рестант*, *шпанá*.

В говорах севера Пермского края отмечена лексема *шалашовка* (*шалаши́лка*, *шолошóлка*). Одно из ее значений ‘распутная женщина’: *Шалашолка – гуляшшая девка, она вся истаскалась, про мужчину – скандалист, хулиган* (Покча, Чердынский район); *Шолошолкой называют женщин, которая разгульную жизнь ведёт* (Покча, Чердынский район) [КСРГПК]. Это значение близко жаргонному – ‘дешевая проститутка’ [Елистратов 2010: 473]. М.А. Грачев и В.М. Мокиенко считают, что слово *шалашовка* образовано от просторечного *шалава*, которое производно от прилагательного *шалавый* ‘шальной’, фиксируемого в южнорусских диалектах [Грачев, Мокиенко 2009: 285]. Таким образом, лексема появляется в диалекте из жаргона. Однако, в пермских говорах у слова *шалашовка* (чаще *шалашолка*) отмечены также значения:

1) ‘белье, одежда, предмет одежды, обычно поношенные’: *Сёдня на улице дож. Занесла все шалашолки домой сушить* (Акчим, Краснови-

шерский район); *Всяко называм: и шолошовка, и шмотинка* (Акчим, Красновишерский район) [АС 6: 215];

2) 'половики, изготовленные из ветхой одежды': *Пойду вытрясывать шолошолки* (Акчим, Красновишерский район); *Давай не сборанивай шолошолки-то!* (Акчим Краснов.) [там же: 216];

3) 'человек, который ходит в старой рваной одежде': *Человек весь рваный, чумазий – его шолошолкой называм* (Акчим, Красновишерский район) [там же]).

Перечисленные значения вряд ли можно считать производными от жаргонного слова, так как в диалектных словарях XIX в. фиксируются однокоренные слова со схожей семантикой: *шалашёлки* 'ветхое, никуда не годное платье' [Диалекторский 2006: 564]; *шалатанья* 'худая, рваная одежда, лохмотья' [Куликовский 1898: 135]. Возможно и другое объяснение происхождения слова *шалашолка*: переносное значение 'распутная женщина' происходит от первого, прямого значения 'тряпка'. Это предположение подтверждает и тот факт, что такой перенос в говорах не редкость: лексемы *треплó, трепу́ха, трепу́шка* имеют значение 'распутная женщина' [КРГСПК]. Не исключено также, что мы имеем дело с двумя словами-омонимами (*шалашовка* и *шалашолка*), происхождение которых разное, но диалектоносители воспринимают их как одну полисемичную лексему: *Плохо одетая да грязная, вот и шалашолка. Называют и девок, что ходят по мужикам* (Покча, Чердынский район) [КСРГСПК].

Заимствованием из уголовного жаргона, скорее всего, является слово *шмара* 'девушка; возлюбленная; любовница': *Шмара ходит с парнем, назывок ей, обзывок* (Покча, Чердынский район); *Ухожор у тебя есь, дак он зовёт свою ухожорку шмарочкой, шмара де* (Редикор, Чердынский район) [КСРГСПК]. В жаргоне у этого слова зафиксировано значение 'любая женщина, женщина лёгкого поведения' [Елистратов 2010: 482]. М.А. Грачев и В.М. Мокиенко отмечают неясную этимологию лексемы и рассматривают четыре версии ее происхождения: 1) от слова *шмонька* 'обыск'; 2) от русского диалектного слова *шмара* 'тина, ряска'; 3) от арготизма *шмира* 'сторожа во время кражи, подающие сигнал об опасности своим товарищам'; 4) от арготизма *мара* 'женщина' присоединением маскировочного комплекса звуков *ши-* [Грачев, Мокиенко 2009: 294]. В пермских говорах у лексемы также отмечено значение 'о гулящей кошке': *Ты куда пошла, шмара, опять по котам?* (Митрохи, Уинский район) [СРГЮП 3: 404]. Такое переносное значение характерно для говоров: наименование

человека с какими-либо негативными качествами служит для бранного обращения к животному: *барыня* (о кошке), *базыга* (о корове), *блудень* (о коте), *ведьма казенная* (о курице), *шалава* (о корове).

Появление слов из уголовного жаргона в пермских говорах связано, во-первых, с тем влиянием, которое он оказывал на все формы национального языка в XX в. (так, в художественных произведениях А.И. Солженицына, В. Шаламова, Ю. Алешковского, В. Аксенова, В. Астафьева, В. Пелевина и др. используются слова *урка, шалашовка, шмара* и др.), во-вторых, с тем, что на территории края в XX в. размещались лагеря для заключенных, особенно много было их на севере. Естественно, что местное население, вступая в контакт с заключенными, перенимало некоторые языковые единицы.

При заимствовании в говоры с жаргонным словом происходят определенные семантические изменения. Обычно конкретная семантика, свойственная словам уголовного жаргона, становится более широкой. Например, лексемы *урка* и *блатной* в пермских говорах начинают обозначать любого заключенного, а затем человека, отступающего в чем-либо в своем поведении от общепринятых норм.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ № 11-34-00330 а2 и № 12-34-01043.

Список источников

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края, хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000. Вып. 1. 2002. Вып. 2.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

Список литературы

БАС – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2004–2011. Вып. 1–19 (издание продолжается).

Глоссарий-словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mylanguage.ru/Mods/Glossar.asp?actid=113>id=14> (дата обращения: 09.12.2013).

Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон: историко-этимологический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 336 с.

Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П.А. Дилакторского 1902. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2005. 1021 с.

Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 25 с.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.

Словарь воровского жаргона. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/thief/Baklan-113.html> (дата обращения: 09.12.2013).

Словарь молодежного сленга. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang/z/zimogor.html> (дата обращения: 09.12.2013).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–45 (издание продолжается).

ТСУЖ – *Дубягин Ю.П.* и др. Толковый словарь уголовных жаргонов / Ю.П. Дубягин, А.Г. Бронников, Г.В. Боровкова, К.С. Достанбаев, Д.И. Пухов, А.С. Коршунов, А.И. Лебедев, В.П. Дихтеренко. Рыбинск: СП «Интер-Ромнис». 208 с.

NAMES DENOTING PEOPLE IN PERMIAN DIALECTS AND PRISON SLANG

Yuliya V. Zvereva

**Laboratory assistant of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University**

The paper discusses the names used to denote people in Permian dialects and in prison slang. Some of the words appear in prison slang directly out of the dialects, while others are likely to find their way first into standard language and only thereafter into prison slang. Many of these lexical items are polysemic in dialects; however prison slang mostly naturalizes only one of the meanings, which acquire an extremely unambiguous semantics. Inversely, some lexical items in Permian dialects originate from prison slang (*bugor*, *urka*, *shmara*). Adopted into a dialect a slang word may acquire new meanings, as, for example, the lexical item “urka”.

Key words: dialects; prison slang; semantics; names denoting people.